

Сигрид Унсет

Кристин, дочь Лавранса

Хозяйка

OCR Эльза & Eugeny Enin

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЛОД ГРЕХА

I

Вечером накануне дня святого Симона парусная ладья Борда, сына Петера, причалила к песчаной отмели у Биргси. Сам аббат Улав из Нидархолмского монастыря {*Нидархолмский монастырь был расположен на острове у г. Нидароса.*} выехал верхом на берег встретить своего родича Эрленда, сына Никулауса, и поздравить с приездом его молодую жену. Аббат пригласил новобрачных быть его гостями и переночевать в Витте.

Эрленд провел по мосткам смертельно бледную молодую женщину - Кристин чувствовала себя отвратительно. Аббат шутливо заговорил о тяготах морского перехода; Эрленд рассмеялся и сказал, что его жене, верно, хочется поскорее лечь в постель, крепко приделанную к стене горницы. Кристин изо всех сил старалась улыбаться, а про себя думала, что по доброй воле никогда в жизни не взойдет на корабль. Ее начинало тошнить, едва Эрленд приближался к ней, - так пахло от него кораблем и морем; волосы у него совершенно слиплись от соленой воды и висели космами. Он был просто пьян от радости, пока они плыли на корабле. А господин Борд смеялся: там у них, в Мере, где он вырос, мальчишки не вылезают из лодок, плавают под парусами и гребут с раннего утра и до поздней ночи. Правда, и Эрленд и господин Борд немного жалели Кристин, но, ей казалось, недостаточно - так ей было худо. Они все твердили, что морская болезнь прекратится, как только привыкнешь к плаванию на корабле. Но ей было одинаково скверно все время.

Даже на следующее утро, когда она ехала верхом через поселки, ей казалось, что она все еще плывет по морю. Дорога шла то вниз, то вверх по большим, крутым глинистым холмам, и если Кристин пробовала глядеть, не отводя взора, на какую-нибудь точку впереди, среди дальних лесистых гор, то будто вся местность кругом уходила из-под ног, вздымалась волнами и обрушивалась на светлое, голубоватое зимнее утреннее небо.

Целая толпа друзей и соседей Эрленда явилась с утра в Вигг проводить новобрачных до дому, так что ехали они в сопровождении огромной свиты. Земля звенела под копытами - она была тверда, как железо, от заморозков. От людей и лошадей шел пар; иней оседал на телах животных, на волосах и меховой одежде мужчин. Эрленд казался таким же седым, как и аббат, лицо его разгорелось от утреннего питья и жгучего ветра. На нем была брачная одежда, и он выглядел таким юным, таким радостным, что весь светился; в его красивом, мягком голосе слышались веселость и озорство, когда он, смеясь, переключался с гостями.

Сердце у Кристин начало как-то странно трепетать - от грусти, от нежности, от страха. Она не совсем оправилась после морского перехода, а тут еще эта болезненная изжога, которая появлялась теперь, стоило ей только съесть или выпить что-нибудь, хотя бы самую малость; ей было ужасно холодно, а душу жгла глухая злоба на Эрленда за то, что он так беспечен... И все же теперь, когда она увидела, с какой доверчивой гордостью, с каким сияющим ликованием везет он ее к себе домой как супругу, в глубине ее души зашевелилось горькое раскаяние; грудь заныла от сострадания к нему. И она пожалела, что послушалась тогда совета, подсказанного ее своеволием, и не дала понять Эрленду, когда он был у